

Письма из Переславля. 2. О вопросах и решениях

Утром по базару прошёл председатель РИК'а и диву дался: закон о запрещении убоя скота давно уже спущен в деревню, а на базар привезли и привели скотину в битом и живом состоянии, больше чем раньше. Ахнул и заворотделом райкома.

Что предпринять? Не заметить — нельзя, примиренчеством, оппортунизмом пахнет, отобрать — НЭП ликвидируешь.

...Начальник милиции со всем штатом быстро разрешил все размышления. И в итоге — около двух десятков протоколов на продающих скот и мясо. Через час милицейской работы на базаре было чисто.

Отобранную (до выяснения социального положения хозяина) скотину и мясо сдали в ЦРК, а хозяев пригласили в райадмотдел. К вечеру подводили итоги: большинство задержанных оказались гостями из Ростова и Ярославля. Домой они поехали налегке.

Местные крестьяне, привёзшие телят, ссылались на незнание такого закона, запрещающего бить телят. Здесь есть доля правды, потому что убой телят запрещён обязательным постановлением облисполкома, которое к этому базару ещё не было продвинуто в деревню. На всякий случай — переписывали почти всех.

В этот день во всех учреждениях города было ненормальное количество посетителей. Шли с вопросами, запросами, а некоторые — просто так, обложит райначальника матом и уйдёт.

Скотский вопрос в разных вариациях обсуждался весь день. Закон, оказывается, хотя и конкретен, но вызвал много попутных недоумений.

Вот пришёл рабочий. Он имеет корову, неделю назад она дала телёнка. Промфинпланом лишний скотский рот не предусмотрен. Нет ни помещения, ни кормов. Резать телёнка нельзя, продать — нет спроса. Выбросить — ни себе, ни людям, да ещё под суд попадётся. Положение — хуже быть не может. Из РИК'а рабочего, пришедшего туда с телячьим делом, послали в отделение молокосоюза. Там, мол, возьмут или законтракуют. Через полчаса рабочий пришёл обратно и сказал:

— В молокосоюзе нет директив по этому вопросу. Так как же быть с телёнком?!

...Идут райсельсоветчики. Закон о запрещении убоя скота представляет райсельсоветам право разрешать продажу скота в живом и битом виде, если налицо крайняя нуждаемость. Как установить эту нуждаемость, если каждый при желании может изобрести много комбинаций по этому делу?! Поток заявлений с просьбой применить разрешательский пункт закона увеличивается, а в райсельсоветах не знают, что делать.

Идут работники ЦРК, кожсиндиката, госторга.

Кооператорам предложено развернуть заготовки мяса на внутреннем рынке, а внутренний рынок — под запретом. И получается скандал. Кооператоры, на всё закрыв глаза, орут на советские органы: рабочих без мяса оставляете! Со стороны кооператоров спекуляция на рабочем питании невероятная. Сразу осенило: появились и заготовители и рынки и темпы и прочее. Но сейчас нужно другое: нужно хотя бы упомянутых нами беспризорных телят взять на откорм, нужно бы законтрактовать их, нужно бы взяться за откорм свиней и прочее. А кооператоры живут ещё прошлым годом.

Конечно, кожсиндикатчики имеют контрольные цифры по заготовке кожсырья. Нужно план данного района выполнить обязательно. Госторговцы — тоже. Рвение к выполнению заданий

---

*Крутых, М. Письма из Переславля. 2. О вопросах и решениях / М. Крутых // *Голос труда*. — 1930. — 6 февраля. — С. 5.

по заготовкам кожсырья и всяческой пушнины небывалое. Планы должны быть выполнены, иначе, мол, мы снимаем с себя всякую ответственность, если наши торговые отношения с заграницей несколько обострятся, и если наркомторг попадёт в неприятное положение, и если индустриализация страны пойдёт более медленным темпом и пятилетку в четыре года мы не выполним. И так далее. Все от агента до приёмщика сряду осознали значение выполнения плана.

Если для ряда организаций запрещение убоя скота явилось заковыркой, то крестьяне поняли его так, как нужно. Они привезли в город не недоумения, а конкретные факты. Крестьянин знает, что разбазаривать скот и имущество нельзя, и в то же время видит, как зажиточные нарушают закон. Своего брата-бедняка, поддавшегося на кулацкие сплетни и притащившего на базар сто раз чиненную уздечку, брали в работу тут же на площади. А про кулаков заявляли куда нужно.

Заявлять есть о чём.

В деревне Погост, пономарёвского сельсовета, кулак из 3 лошадей одну уже продал, потом продал двух коров. На вырученные деньги купил приданое дочке: 4 швейных машины, несколько пар бурок и прочее.

Из Юрьина, погоринского сельсовета, пришли жаловаться на коммунистов и комсомольцев, стакнувшихся с кулаками и тормозящих коллективизацию. Это в Юрьине, взятками вином и угрозами, кулаки добились того, что товарищей, работавших по организации колхозов — никто не пускал в дом. Это в Юрьине кулаки подбивали всю деревню на расправу с приехавшими коммунистами.

Из деревень района привозили такие новости, что мясная проблема забывалась. Надо отметить боевую работу РИК'а и райкома: там давали не только справки, но и действовали. Моментально назначали следствие над заготовителем машин и бурок, предложили организовать показательный суд и через суд отобрать у кулака всё имущество. В Юрьино двинули надёжную силу.

Вечером во все концы из города уезжали крестьяне домой. И везли обратно то, что сейчас не подлежит тащить на базар.

Максим Крутых